Ю.В. Громыко

Идеология как дисциплинарное занятие. Цымбурский – гуманитарный ученый-пророк

Обращаясь к наследию Вадима Леонидовича Цымбурского, мы сталкиваемся с совершенно особой оптикой его работ. Мы имеем дело не с некоторым операционально организованным знанием, но с кругом идей, понимание которых определяется ситуацией, в которой находится их интерпретатор. Изменение ситуации влияет на формирующееся видение (оптику) и интерпретацию идей.

Актуальность теоретического наследия В.Л. Цымбурского не уменьшается со временем, а наоборот, резко увеличивается. Ставшие известными несколько лет назад идеи приобретают как бы б льшую рельефность и смысловую значимость. Подобное обстоятельство может быть объяснимо только тем, что этот круг идей выявляет некоторое представление об узловых моментах движущейся реальности таким образом, что изменяющаяся реальность со временем начинает во всё большей степени проясняться на основе ранее сформулированных представлений. Подобное оказывается возможным только в том случае, если мыслитель (в данном случае политический философ) сумел нащупать некоторое сущностное определение социально-политических, цивилизационных процессов.

Мы утверждаем, что оптика процессов исторического изменения российской цивилизации, обнаруженная В.Л. Цымбурским, такова, что чем ближе мы будем приближаться к важнейшим развилкам и необходимому выбору направления движения и способа действия, тем актуальнее будут становиться его идеи. С этой точки зрения, В.Л. Цымбурский – не консерватор, который что-то замороженное из прошлого хочет сохранить[1], но мыслитель, который предъявляет основание глобального масштабного преобразовательного действия с позиций России. Поскольку эти основания укоренены в российской культурной и духовной традиции, то он и не ниспровергатель основ – не революционный бес. Кардинальный тектонический сдвиг содержится в продолжении всей русской истории – имперской, советской, современной, а не в отказе от нее. Хотя сама эта история может трактоваться совершенно по-разному.

Основная задача, решаемая В.Л. Цымбурским, состоит в том, чтобы выявить идеальный тип российской цивилизации, который позволяет опознавать меру инородности существующей сегодня государственности и политической организации страны данному цивилизационному типу. Этот идеальный тип российской русской цивилизации конституируется и получает определенность сразу

[1] Напомним характеристику К.П. Победоносцева, данную А.А. Блоком: «Мороз, который может на некоторое время остановить гангрену».

Громыко Юрий Вячеславович, доктор педагогических наук, директор Института опережающих исследований имени Е.Л. Шифферса.

во всех возможных мирах: культурном, духовном, технологическом, географическом, экономическом, историческом и т.д. Этот идеальный архетип Российской цивилизации «вырастает» из определенной пространственной организации страны и форм осознания населением ее возможностей. Данная пространственная организация оказалась разрушена в силу гибели государства СССР. Будучи вырвана из определенной геополитической платформы, перестав быть самодостаточным организмом, данная страна попала в поле действия огромного количества факторов.

Но, самое главное, по границам российской государственности, бывшим территориям СССР, а также в зонах влияния бывшего СССР появились самостоятельные субъекты, враждебно или в лучшем случае безразлично настроенные к интересам России. Это и есть, наверное, самый первый и самый важный итог величайшей геополитической катастрофы XX века – гибели СССР, через форму которого продолжали действовать созидательные силы Российской государственности. Ни этническое самоопределение, ни религиозные традиции народов, проживающих по границам сегодняшней Российской Федерации, до конца не определяют меру и форму симпатий или антипатий этих самостоятельно действующих сил по отношению к России. Более того, после украинской геополитической катастрофы и присоединения Крыма становятся более заметны «шестеренки» действующих сил и групп. Братский народ Украины, поверивший за счет телевизионной пропаганды в выдуманную в Канаде и США автономную украинскую идентичность, позволил втянуть себя в мясорубку гражданской войны.

Основное видение, которое пронизывает статьи и разработки В.Л. Цымбурского, состоит в том, что выпадение из определенной культурно-исторической и цивилизационной иерархии приводит к появлению разрозненных революционных сил и отрядов, «имя которым – легион». Эти отряды под лозунгами либерализации и отстаивания прав и свобод готовы уничтожать, разрушать и переваривать любые цивилизационные платформы, уничтожать традицию и культуру. Результатом становится полная потеря цветущей сложности живого цивилизационного организма и замещение его либо искусственным механистическим целым, либо отдельными атомизированными человеческими организациями. И мы это наблюдаем сегодня и в либерализованной Ливии, и в недолиберализованной Сирии, и в осуществившей выбор Центральной и Западной Украине.

Собственно, этот со стороны В.Л. Цымбурского отстраненный и нарочито объективирующий взгляд вряд ли можно назвать консерватизмом. Он направлен на то, чтобы получить объективированную патологоанатомическую картину культурно-цивилизационного целого, в котором исчезает созидательная пассионарная энергия живого.

Появившиеся по краям России автономизированные субъекты самостийности начинают активно действовать и играть с ней, соединяясь друг с другом в своем желании «дружить против». В отдельных случаях – это их собственные целенаправленные действия, в других случаях они всего лишь пропускают сквозь себя акции других масштабных субъектов «мировой игры» на территорию России.

Этот союз государств по границам и краям России получил у В.Л. Цымбурского название Великого Лимитрофа. В одном случае противодействие России поддерживается старыми страхами ее великодержавности, в другом – стремлением просто прибрать к рукам обильные бесхозные ресурсы, в третьем случае налицо проведение чужой, враждебной к России политики других государств. С точки зрения патологоанатомических аналогий процесс напоминает форму абсцесса, развернувшегося по краям живой ткани, произвольно вырезанной из организма.

Зажатая и окруженная Великим Лимитрофом Россия представляет собой изолированный остров. Этот остров – своеобразная «куколка» будущего развернутого цивилизационного организма-существа. Будущий цивилизационный организм может и не появиться, не возникнуть. Тогда российская цивилизация прекратит свое существование, и остров уйдет на дно под действием вод глобализации и вселенского потопа – поравнения культурных иерархий. Но «куколка» может и выжить, развившись в новый организм в соответствии с определенными цивилизационными циклами. Тогда за островом на поверхности океана появится и остальная материковая твердь, которая выступит из вод.

Метафора острова невероятно важна. Остров ограничен пространственно, поэтому он позволяет сконцентрироваться и определить, что является цивилизационным архетипом России. Остров Россия – это не данность, а заданность. Тем, кто заинтересован в обновленной русской цивилизации и верит в возможность ее развертывания при сохранении культурной и исторической преемственности, необходимо пережить Россию как остров, погружающийся в пучину вод. Тем более – это перед нами реально происходит: вот в водяную бездну погружается Украина вместе с членами нашей семьи. И никакими воплями и криками остановить этот процесс погружения материка в пучину нам не удается. Магическое заклинание пока не обнаружено.

Перед нами – интереснейшая идеализация цивилизационного анализа по типу идеального газа, нематериальной точки, созданная В.Л. Цымбурским. Остров Россия не существует на карте. Это «система, нарисованная на системе» (если пользоваться концептом В.А. Лефевра), – цивилизационный остаток, нарисованный на бывшей государственности СССР. Она должна быть представлена как идеальная модель особого геополитического состояния в мышлении. Эта идеализация соединяет цивилизационные методы анализа Тойнби и Шпенглера. Рассматривается цикл жизни цивилизаций: от рождения через точку наивысшего развития к закату. Цивилизации в определенный момент исчезают и гибнут. Но в отдельных случаях цивилизация может свернуться и сохраниться для следующего своего раскрытия в этом свернутом состоянии. Остров Россия, окруженный враждебным Лимитрофом, это и есть свернутая русская цивилизация, которая может и быть съедена лимитрофными организмами, выкачивающими из нее животворные силы и переформатирующими население в иной антропо-цивилизационный тип. Но она может и развернуться – залогом чему тысячелетнее русское слово (В.В. Кожинов). Такая идеализация является основой продумывания в дальнейшем множества проектных действий. Только не стоит спешить ее натурализовывать в виде реального государства Российской Федерации.

Что является условием этого «восстания из небытия» и формирования нового пассионарного суперэтноса, который позволит Русской цивилизации развернуться в новый жизнеспособный организм?

Первое – это смирение тех, кто соотносит себя с судьбой острова Россия. Отнюдь не всё следует спешить свершать. Например, по мысли В.Л. Цымбурского, не стоит бороться с гегемонией США. Нет, указывать на двойные стандарты, нарушение демократических международных принципов, односторонность навязываемой позиции необходимо, но пытаться занимать гегемониальное место США не стоит. Именно США – одной из самых либералистских и антиправославных стран в мире – принадлежит сегодня роль и функция удерживающего-катехона, который спасает мир от апостасии и провала в еще больший необратимый хаос. «Не давать США подрывать местные мировые подпорки так же важно, как и добиваться того, чтобы Америка до времени не упустила своей основной части планетарной конструкции – не уклонилась от, по сути, безблагодатной роли *глобального удерживающего* (катехона). Короче

говоря, надо, чтобы мир не представил жизненных угроз России, пока она не пройдет нынешнюю критическую стадию в своем шпенглеровском цикле»[1].

Второе – все основные беды России, по мысли В.Л. Цымбурского, были связаны с «похищением Европы»[2] – с очень глубокой вовлеченностью в *европейские* дела. Попытка «похитить» Европу приводила к тому, что через какое-то время после такого ввязывания в европейские дела начиналась расплата. На смену Венскому конгрессу с русским царем в качестве «главы царей» (А.С. Пушкин) приходит Крымская война, на смену взятию Берлина и Варшавскому договору приходит развал СССР. То, что между пиком вовлеченности и развалом страны пролегают долгие 40–45 лет, ничего не значит. Это как раз та самая «конъюнктура времени», которая уходит на запуск «пружин» противодействия. «При анализе их (циклов похищения Европы и ответных воздействий европейских государств. – *Ю.Г.*) я приму за исходную герменевтическую точку показанное мною в другой работе наличие в геополитике великоимперской России колебаний, которые, проходя через серии однотипных фаз, образуют гомологичные “евро-похитительские” циклы. Каждый такой цикл открывает фаза А – попытка России расширяться навстречу Западу, одновременно подключаясь в качестве чьего-нибудь партнера к борьбе государств романо-германской Европы за гегемонию. В фазе В происходят вторжение Запада в Россию и отбивание ею агрессии. В фазе С она, справившись с этим вызовом, пытается сама перейти к прямому наступлению на коренную Европу, и если эта попытка оказывается удачной, Россия вырастает в крупнейшего претендента на европейское господство. Теперь уже настает фаза D: Запад переходит к сдерживанию России, пока не отбрасывает ее в “холодной” или “горячей” войне. Вслед за тем в российской истории открываются на несколько десятилетий “евразийские” фазы-интермедии, когда отодвинутая от Европы империя выплескивает геополитическую активность в Центральную Азию и на Дальний Восток, чтобы возвратиться в Европу в час конъюнктурно-благоприятный… и повторить цикл заново»[3].

Подобный взгляд В.Л. Цымбурского противоречит точке зрения А.Л. Янова, что Россия страдала и гибла в результате самоизоляции, а не вовлеченности в европейскую игру. Интересно, что В.Л. Цымбурский не может при этом рассматриваться в качестве евразийца, славянофила, противостоящего западникам. Очень важно, что он выскальзывает за все привычные стереотипные членения.

В.Л. Цымбурский не является шаблонным евразийцем, повернувшим голову к восточным пределам России, хотя бы потому, что, по его собственным утверждениям, в большей степени, чем Россия, сегодня евразийской страной является Казахстан, а евразийским лидером – Н.А. Назарбаев[4]. Сегодняшняя

[1] *Цымбурский В.Л.* Конъюнктуры Земли и Времени: Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. М.: Европа, 2011. С. 15.

[2] Россия, подобно Зевсу в образе быка, похищает прекрасную деву-Европу.

[3] См. *Цымбурский В.Л.* Тютчев как геополитик // Общественные науки и современность. 1995. № 6. С. 87.

[4] «…Мы видим возникновение нового государства, распростершегося между Каспием и Аралом, государства, вобравшего в себя львиную долю того добротного ядра Евразии, о котором писал Савицкий… Мы видим постсоветский Казахстан как государство, на которое наиболее органично ложатся концепции классического евразийства. И совершенно естественно, что евразийскую идею в 1990-х годах провозгласила не Россия устами своих официальных политиков, а Казахстан устами президента Назарбаева. Если для нынешней России евразийская идея не выглядит как основание существования, то для Казахстана она выглядит именно так. Я думаю, что на самом деле сегодня мы должны говорить не о России-Евразии, а о Казахстане-Евразии» (*Цымбурский В.Л.* «Республика-Евразия»: перспектива для Казахстана // *Цымбурский В.Л.* Конъюнктуры Земли и Времени: Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. М.: Европа, 2011. С. 63).

же Россия, сдвинутая в холодные пояса, является не Евразийской цивилизацией с континентальным теплом / холодом степей, жаром пустынь / полупустынь, а северной Арктическо-Евразийской цивилизацией. Поэтому решения В.В. Путина в борьбе за Арктику и шаги к созданию городов за Полярным кругом совершенно правильны. Эпицентр же борьбы за евразийское наследие и ключевая точка формирования нового Евразийского государства, которого не было (а отнюдь не восстанавливаемого СССР-2), определяется глубиной российско-казахстанских взаимодействий.

Третье условие развертывания острова России в полноценную государственность русской цивилизации состоит в переносе столицы из Москвы за Урал для политического, экономического, культурно-коммуникационного центра правильно-пропорционального переосвоения российских земель. На нашей памяти Вадим Леонидович Цымбурский был первым, кто на основе геополитических, геоэкономических и геокультурных аргументов стал говорить о необходимости сдвига столицы нового Российского государства за Урал. Причем первоначально этой точкой в его рассуждениях выбирался Омск. Тому же Нурсултану Назарбаеву удалось перенести столицу из Алма-Аты в Астану, осуществив тем самым пассионарный управленческий сдвиг в рядах казахской элиты.

Четвертое – формирование цивилизационной идеологии, обеспечивающей ее носителям понимание того, что происходит со страной и куда она должна двигаться. Здесь важно не отрицание западничества, а его своеобразное преодоление – снятие в границах реально допустимого.

Парадоксальным образом В.Л. Цымбурский является сверхзападником, поскольку через работу «Тютчев как геополитик» он с рациональных позиций осуществляет распредмечивание позиции и западников, и славянофилов.

Он также подвергает сомнению отрицание Ф.И. Тютчевым статуса Запада как самостоятельной цивилизации. Из анализа геополитических работ Ф.И. Тютчева, прежде всего трактата «Россия и Запад», возникает непростой и для сегодняшнего политического философа вопрос: что есть Запад? Если считать основой Запада права и свободы индивида, электоральную демократию, разделение властей, рыночную экономику, то Западом сегодня в большей степени являются США, чем ЕС. А ЕС в виде Соединенных Штатов Европы является вторичным изданием Соединенных Штатов Америки.

Как известно, Ф.И. Тютчев утверждал, что подлинным Западом, если рассматривать процесс трансляции христианской имперской власти от Римской империи к ее восприемникам, является Россия. К моменту формирования государственности на Западе Западная Римская Империя со столицей в Риме перестала существовать. Центр государственности сохранился лишь в Восточной Римской Империи со столицей в Константинополе. И христианскую императорскую власть русские великие князья, по мысли Ф.И. Тютчева, получили от прошедших таинство помазания на царство живых римских императоров в прямом общении и взаимодействии с ними, а не в выдуманно-реконструируемой записи манускриптов латинянами. Но при этом Ф.И. Тютчев не является славянофилом, поскольку он требует освободить географический Запад – Германию и Италию – от псевдозапада, отступников, допустивших попрание подлинной христианской веры. «Мыслим ли славянофил, у которого ключевой славянофильский вопрос о последствиях петровской европеизации для внутреннего уклада России вызывал бы так же мало интереса, как у Тютчева? Найдем ли мы другого славянофила, который бы без обиняков указывал на Германию и Италию как на имперские провинции “будущей России”?»[1]. И хотя аккуратный и тщательный В.Л. Цымбурский пишет, что на работах Ф.И. Тютче-

[1] См.: *Цымбурский В.Л.* Тютчев как геополитик // Общественные науки и современность. 1995. № 6. С. 87.

ва, посвященных анализу отношений России и Запада, следовало бы написать «Осторожно – взрывоопасно», – самое важное сказано[1]. Задана линия идеократического первенства России, из-за которого в равной степени возможны и соблазн мессианства, и способность мобилизоваться на последнем рубеже гибели и развала. Но самое важное заключается в том, что задан принцип, который мы называем «трансграничной идентичностью»[2], когда, казалось бы, на территории цивилизационно-чужого задается близкое и свое, без чего нельзя жить, – в диалоге с представителями других цивилизационных форм. Подобная реконструкция иных цивилизаций через призму своего в них невероятно продуктивна. Такую форму имеет «даосизм» в работах В.В. Малявина (о которых Его Высокопреосвященство архиепископ Сергиево-Посадский Феогност сказал, что это мог написать только действительно православный человек) или суфизм в произведениях Ш.М. Шукурова.

Но проблема заключается в том, что сегодня излучает «остров Россия» в большой мир – не важно, на Восток или на Запад? Поскольку именно качество этого света, облучающего соседние или отдаленные территории, и определяет возможность восстановления России как самостоятельной цивилизации и пассионарного суперэтноса, готового творчески создавать новое государство – Евразийский союз, а отнюдь не жалкую реваншистскую копию СССР-2.

Цымбурский ссылался на свое «отчаянное решение, к которому я прибегнул в одном из своих выступлений, объявив цивилизацией любое сочетание геополитической и идеологической отмеченности у некоего круга народов, иначе говоря, контроль их над какой-либо ареальной твердыней, подводимой под собственную сакральную вертикаль, независимо от характера последней в тот или иной момент времени, лишь бы за этими народами оставалась способность выступать источником идейного и стилевого “облучения” менее отмеченных пространств, и прежде всего геополитических пределов данного ареала»[3]. Не столкновение цивилизационных платформ по Хантингтону, отождествленных с конфессиональным выбором различных этнических групп, определяет взаимодействие цивилизаций, а чувствительность к свету из разных солнц разных галактик – взаимодействующих цивилизаций (Цымбурский) – вот что определяет мир будущего. Именно за возможностями этого излучения разных цивилизационных солнц стоят диалог цивилизаций и участие в нем пассионарных русских.

Дело остается за малым – предложить притягательную цивилизационную форму, которая выводит Россию и мир за рамки порочного движения по кругу «назад-вперед в СССР», а затем опять к развалу СССР и выходу к России-нации. Нужна мировая, но с позиций России, новая повестка цивилизационного строительства. Эта повестка должна определяться набором принципов и быть открытой для содержательных уточнений и конкретизаций – любая страна может внести в эту повестку свои уточнения и проектные инициативы. Эта повестка, на наш взгляд, исходит из выявляемых горизонтов нового цивилизационного сознания и опирается на притягательные ценности в соответствии с традицией и пройденным историческим путем. Подобная повестка далеко выходит за рамки и просвещенного, и динамического, и прогрессивного консерватизма. Поскольку речь, по сути, должна идти о новой мировоззренческой идеологии, объ-

[1] Там же. С. 86–98. «Над этим комплексом, вылившимся в фантастический возглас гениального русского человека “Мы хотим лишь существовать!”, исследователь обязан водрузить табличку: “Осторожно – ‘другая Европа’ – взрывоопасно!”» (с. 98).

[2] См.: *Громыко Ю.В*. Антропология политической идентичности. М.: Пушкинский институт, 2006.

[3] *Цымбурский В.Л.* «Остров Россия» за семь лет. Приключения одной геополитической концепции // *Цымбурский В.Л.* Конъюнктуры Земли и Времени: Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. М.: Европа, 2011. С. 56.

ясняющей, что происходит с миром, и выделяющей набор граничных проблем, по отношению к которым необходимо определяться. Этот набор проблем, определяющий и воспроизводство традиции, и предложение принципиально новых творческих решений за границей освоенного знания, позволяет покончить с постмодернизмом. Покончить приблизительно так же, как это сделал ранний Лео Штраусс в своих работах[1], показывающих, что Спиноза, отстаивающий автономию теоретического мышления и интеллектуальную свободу, неправильно интерпретировал работы классического еврейского философа XII века Моисея Египетского (Моисея Маймонида). Собственно, этот ход позволил Лео Штраусу начать прорабатывать генезис идеологии Просвещения и политической философии модернизма на основе анализа традиционной религиозной философии. Нечто подобное осуществлял и В.Л. Цымбурский, предложивший на одном из семинаров толкование событий 11 сентября 2001 года на основе интерпретации Откровения Иоанна Богослова – последней книги Нового Завета.

Только обращение к религиозной традиции для прослеживания условий выведения из нее научно-гуманитарного проектного мышления позволяет сохранить цивилизационную идентичность на основе удостоверяемой принадлежности определенной традиции. При этом под идентичностью мы понимаем контролируемое тождество думающего человека самому себе, его форм самосознания на основе самоопределения к некоторым ценностям и принципам. Сохранение идентичности важно, поскольку контролируемые условия воспроизводства самосознания (идентичности) лежат в основе современных форм войны. Если удается сломать цивилизационную идентичность значительных групп населения, то не надо захватывать территорию. Население само добровольно присягнет новому идеологическому гегемону. Словом «сломать» мы обозначаем простое обстоятельство – появление идеологизированных групп, которые искренне убеждены в том, что в стране нет оснований для самостоятельного оригинального политического и идеологического мышления. Переход современных форм войны в область разрушения идентичности предсказывал В.Л. Цымбурский в одной из своих ранних работ[2], полагая, что в случае использования ядерного оружия победа перестает быть победой в обычном смысле. Ядерный Армагеддон уничтожает обе враждующие стороны и тем самым накладывает ограничение на полномасштабное применение оружия. Именно это обстоятельство было осознано в 1980-х годах в США, что повлекло за собой смещение противостояния в область сознания противника. Наметившийся в тот период сдвиг в переосмыслении военно-политической стратегии дал свои результаты и в период «цветных революций».

[1] Leo Strauss on Maimonides. The Complete Writings / Edited with an introduction by Kenneth Hart Green. The University of Chicago Press, 2013.

[2] Военная доктрина СССР и России: осмысления понятий «угрозы» и «победы» во второй половине XX века. М.: Российский научный фонд, Московское отделение, 1994.